

Константин Пастух

На старой лесной дороге

таежные истории

Константин Пастух

На старой лесной дороге

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70607812

SelfPub; 2024

Аннотация

В молодые годы, когда мы выбирались в тайгу, жена моя Людмила позволяла себе в лесу идти, куда ей только вздумается. А подружкам на работе хвасталась: «Я в тайге потеряться не боюсь, знаю, муж меня всегда найдёт». Находил. Правду сказать, найти её большого труда не составляло, она ведь в тайге всегда при деле. То ягоду берёт, то черемшу, то грибы – некогда ей бегать далеко. Правда, бывало, что и уйдёт подальше в поисках мест побогаче, но не так уж чтобы не найти. Но доводилось мне искать, находить и выводить из тайги и таких, кто по-настоящему терялся. Здесь-то я разного насмотрелся. И слёзы, и голоса сорванные – пытались докричаться, и одежонка рваная – на деревья всё лезят, что-то там высмотреть хотят. И разругаются в пух и прах – виноватых ищут. И таких случаев было немало. Но был у меня один особый случай – когда не я искал, а меня искали.

Содержание

1 часть	5
2 часть	14
Такую песню испортил... Таёжные истории	25

Константин Пастух

На старой лесной дороге

1 часть

Я сворачиваю с лесовозной дороги и моментально теряюсь в густых зарослях молодого подростка осины да берёзы. Эти всегда успевают раньше других, захватили вырубку, никого не спрашивая, и разрастаются, как им заблагорассудится. Так всегда. Можно сказать, первопроходцы.

Хоть и шел я по лесовозной не так уж и долго, но она успела мне надоест. Разбитая тяжёлой техникой, неухоженная, неряшливая, местами раскисшая и грязная – не радует она, а только тоску нагоняет. К тому же, пока брёл по ней, ни одной птички не поднял: ни рябчика, ни косача, не говоря уже о глухаре. Так что я без сомнений ныряю в берёзово – осиную чащу и двигаюсь по едва заметной тропинке, которая временами совсем пропадает. Меня это не заботит – я легко нахожу пропажу и продолжаю свой путь. Правда иногда приходится продирааться сквозь сплошные заросли, но всё это мне не в тягость. Я знаю: как бы там ни было, через несколько минут я выйду к своему заветному месту. И место это – не что иное, как самая обыкновенная лесная дорога.

Да, обыкновенная заброшенная таежная дорога. Она совсем не похожа на ту, по которой я сейчас брёл, спотыкаясь и чертыхаясь. Эта – совсем другая. Она старая, забытая, и в этом её привлекательность, в этом её прелесть. Дело в том, что прошедшие годы дороге пошли на пользу. Затерянная в тайге, она немало лет находится в состоянии покоя – никто по ней не ездит, тяжёлая техника её не рушит, не тревожит. И с годами ушли, размылись летними ливнями, весенним половодьем – её ухабы, колдобины, глубокие колеи, нарезанные лесовозами. Теперь она ровная, комфортная и, можно сказать, уютная. Я люблю старые таёжные дороги. Сама Природа умеет их приводить в порядок, прихорашивать, украшать. Тут и травка зелёным ковром её покроеет, а по обочинам обязательно нарастут кусты лесной малины, жимолости, шиповника, а то и голубицы. И как только к концу лета поспеет ягода на кустах, тут же налетят со всей округи пернатые обитатели тайги. В том числе, на радость охотнику, прилетят и рябчики, и тетерева. Старая дорога наполняется птичьим гомоном, оживает и молодеет!

Открыл для себя эту затерянную в тайге дорогу, я не так давно, но уже успел оценить свою находку, и даже в какой – то мере считал её своей. Видимо, потому, что не встречал здесь других охотников. И то что тропа, по которой иду, малозаметна, не натоптана меня только радует. Значит

народ здесь ходит редко. Зверюшки правда бегают, о чём говорит сама тропа. Она местами раздваивается, а через какое – то время опять сливается в одну – что характерно для звериных троп.

Через несколько минут моих скитаний по зарослям, впереди появляется просвет – это и есть та самая лесная дорога, куда я направляюсь. Подхожу ближе – вот она перед моими глазами. Чётко обозначенная, аккуратная и ухоженная, с самого своего начала она круто поднимается вверх. И этот подъём придаёт ей особую выразительность и живописность и от этого кажется она нарисованной картиной художника. В самом начале дороги, с правой стороны её, стоит зелёная ветвистая молодая сосна. На ней обычно сидит глухарь. Я прячусь в чаще, внимательно рассматриваю дерево, на котором надеюсь увидеть большую красивую птицу. На всякий случай проверяю патрон в левом стволе. Там, как и положено, два нуля.

Правый ствол я и проверять не стал. Там, конечно, мелочь. Пятёрка – на рябчика. Хотя, проверяю патрон я чисто символически, как ритуал. Местный глухарь, видать, старый «стреляный воробей». Он ни за что не подпустит на выстрел. Улетает. Но всё равно интересно. Да, и правду ска-

зять, сомневаюсь: смог бы ли я выстрелить в него, даже если бы он меня подпустил? Я всегда жду встречи со своим знакомцем, высматриваю. А он, видать, меня ждёт – делаю вывод по тому, что мне ни разу не удавалось застать его врасплох.

Сегодня глухаря на сосне нет. Немного грустно. «Видать на ягоде» – вслух размышляю я. Хочется верить, что с глухарём ничего не случилось. И основания для этого есть.

Конец лета – начало осени. Время таёжной ягоды. Теперь вся птица на ягодниках.

И вот я на своей дороге. Куда не гляну, всё такое знакомое, родное, можно сказать, своё. Прошёл не больше 15 минут, как справа с обочины шумно, по – куриному, взлетает рябчик. Взлетает и тут же падает, вернее, резко планирует вниз, делает несколько крутых виражей, облетая стоящие на пути деревья, и опускается на землю в зарослях молодого осинника. Прячется за валежину, а затем на неё же и запрыгивает, правда в другом месте – видимо, пробежал за лесиной несколько метров, прежде чем на неё забраться. Надо ему оглядеться, определиться в своих дальнейших действиях.

Для того, чтоб определиться рябчику хватает двух-трёх

секунд. Дальше он спрыгивает с валежины и пускается наутёк пешкодралом. Я вижу, как он мелькает в просветах и тут же пропадает. Стрелять бесполезно. Густые заросли.

В это время рябчики держатся выводками, а этот – одинокий. Видать, старый хитро – мудрый петушок. Знает, что надо делать, чтоб перехитрить охотника и уцелеть.

Справа по дороге постоянно встречаются подобные участки молодых зарослей, которые порой сменяются относительно чистыми местами. И тогда открывается удивительная панорама: в нескольких метрах от дороги круто устремляется вниз невероятно длинный, довольно широкий косогор. Он, можно сказать, лысый. На нём нет привычного леса. Только местами заметны поросшие травой и кустарником овраги да ложки, да приятно радуют глаз разбросанные по склону живописные островки кустарников. От неожиданно открывшегося простора, от распахнувшейся панорамы просто дух захватывает.

Далеко внизу, где косогор сходит на нет, раскинулась широкая зелёная долина, которая тянется параллельно дороге. Вдоль долины, как раз посередке вьётся узкой лентой таёжный ручей с кристально чистой студёной водой и мелкими харюзками. Можно сказать, что и ручей идёт параллельно дороге, только он сильно петляет, и течёт в

обратную сторону. То что петляет – мне хорошо видно со своего места, с высоты. То что течёт в обратную сторону – с дороги, конечно, не увидишь: далеко. Но я это знаю. Не раз приходилось запасаться чистой холодной водой из говорливого таёжного ручья.

Слева же от дороги раскинулась вековая тайга. Правда, приглядевшись, в некоторых местах можно заметить старые пни. Именно здесь когда – то находились участки лесозаготовок. Это было давно, и сами лесосеки с тех пор успели зарости лесом так, что теперь их сразу и не отличишь от коренных, не тронутых топором участков.

Места здесь богатые – и дичью, и кедровой шишкой, и ягодой. Мы с женой Людмилой в своё время чернику здесь брали. А был случай, так увлеклись сбором ягоды, что потеряли кошелёк с деньгами и ключами. Заметили пропажу, когда пришли на полустанок, и надо было доставать деньги, чтоб взять билеты на электричку. Тут и выяснилось, что денег нет. Я потерял кошелёк. Кое – как вышли из положения. В электричке я продал парнишке – соседу компас, и на вырученные деньги мы взяли билеты. Денег до Братска, конечно, не хватило. Смогли взять только на полдороги. Кассирша, которая ходила по ваго-

нам и обилечивала пассажиров, отнеслась с пониманием. Тем более, что в вагоне все соседи знали нашу историю и горячо вступились за нас. Кроме денег мы потеряли и ключи. Но поскольку дома оставались дочери, то вопрос: как попадём в квартиру? – не стоял. Мы спокойно доехали до города. Дело было в субботу, а на следующий день, в воскресенье мы с Людмилой отправились на электричке в те самые места, где брали чернику. Мы нашли потерянный кошелёк с деньгами, а главное, с ключами. Ещё и черники набрали.

Думаю, что история о том, как мы искали в тайге кошелёк, достойна отдельного рассказа. Может, когда –нибудь напишу.

Поднимаю выводок рябчиков – уже с левой стороны. Так же шумно вспорхнули с земли и тут же расселись по деревьям. На молодой берёзке тревожно залопотала курочка – мать. Её хорошо видно, она не прячется и ни на секунду не прерывает свои тревожные сигналы. Беспечная, легкомысленная молодёжь, всё – таки начинает соображать, что не станет матушка так отчаянно, так тревожно голосить по пустякам – значит существует реальная опасность, и надо прятаться. И послушные детки принялись исполнять команду матушки. Кто – то лёг на ветку и замер,

кто – то спрятался за ствол, кто – то забрался повыше и затаился в густых ветвях.

Только один молодой петушок на сосне не пожелал прятаться, он сидит на ветке и что есть мочи тянет голову в мою сторону – пытается высмотреть, понять – что же это за зверь такой двуногий, которого матушка так испугалась?

Сам – то он, судя по всему, меня не боится. Ещё бы! Сидит он высоко на сосне, я – где – то там внизу. Он уверен, что я его не достану, и ему бояться нечего. Я решил наказать неслуха. Поднимаю ружьё, но стрелять мешает рябина, которая разрослась у самой дороги в несколько стволов, и теперь оказалась между мной и рябчиком. Надо обходить деревце, сходить с дороги, заходить в лес.

Конечно, лишние хождения не помогают охоте. Петушок может в любой момент улететь. Лёгкая, верная мишень – курочка, которая, не смолкая, подаёт тревожные сигналы: пть, пть, пть, пть, пть; пть, пть, пть, пть, пть! Она совсем не таится, она вся на виду, но я не могу себе позволить выстрелить по ней. Молодые, судя по всему, не готовы ещё к самостоятельной жизни. Без матери пропадут. Я обхожу рябину, аккуратно вхожу в лес, не спуская глаз с любопытного нахального петушка. Тот заметил мой манёвр – уже не тянет шею в мою сторону, любопытства поубавилось. Больше того: встревожился, напрягся, постоянно присе-

дает, готовясь к взлёту.

Я понимаю – дальше идти нельзя, улетит. Стараюсь не делать резких движений, останавливаюсь, замираю. И в этот момент у меня прямо из – под ног с громким шумом, с паническим тютюрканием срывается рябчик. Где он там на земле прятался, я не понял. Я увидел его, когда он уже взлетел. Тут же снялся со своей сосны мой неслух – петушок и полетел в ельник, призывно зеленеющий в низинке неподалёку. Сразу за петушком снялась со своей берёзки и курочка – мать, она тоже направилась в ельник. Вслед за матушкой, друг за дружкой, улетело все семейство.

Я видел куда рябчики улетели, но искать их там не стал. Себе дороже. В ельнике найти, высмотреть рябчика – уж такая морока... Жалко времени. Я иду дальше по дороге, нарочно ухожу с места, где меня видели рябчики, достаю манок. Свищу курочкой в надежде, что кто – то из молодых подлетит на зов. Жду, слышу ответ – неумелый свист молодого рябчика. Я продолжаю манить, но лететь ко мне он не хочет. Хотя отвечает со своего ельника он охотно. Видать, решил потренироваться. Я отправляюсь дальше. А рябчики? Что ж, мы рябчиков не видели?! Добудем. Домой пустой не приду – я в этом уверен.

2 часть

Встреча с рябчиками добавила настроения, и я неспешно, в состоянии тихой безмятежной радости шагаю по своей дороге. Не убил ни рябчика, ни косача, который меня перехитрил – переждал в траве на обочине и снялся буквально за спиной. Но меня это не огорчает. Сам факт встречи с выводком рябчиков, с тетеревами – уже радость. Радует и сама дорога – что ни говори, а приятно встретить после разлуки знакомое, чем – то примечательное место.

Вот слева у дороги стоит хорошо мне знакомое стройное дерево. Это пихта. Стоит она несколько особняком, и этим привлекает к себе внимание. А ещё у неё нижние ветки располагаются очень высоко, что тоже бросается в глаза. Не характерно это для пихты. Но главное, прямо с дороги можно заметить, что её стройный аккуратный ствол сильно покарябан. Если подойти поближе, то можно понять, что ствол изодран когтями зверя. Полосы от когтей – где – то поверхностные, слегка поцарапавшие кору, а где – то – глубокие, продравшие и кору, и луб, до белой древесины. Здесь и старые потемневшие полосы, и новые, видать, недавно оставленные. Медведь метил границы участка. Следы от когтей

высоко, значит медведь рослый, серьёзный.

Миную меченную пихту, прохожу метров 300 – и так же с левой стороны, вижу две нешуточные свежеврытые в земле норы. Это уже новости. Мишкина работа. Когда рыл, бросал землю себе за спину, и комья летела на несколько метров. А дернины, так метров на 5-6. Раскапывал норы бурундука. Мне доводилось встречать такие раскопки косолапого, но, всё равно, интересно. Останавливаюсь, рассматриваю. На промысловом участке, где я охотился, мы с мишкой были соседями. Жили мирно, не сорились. Мне нравилось узнавать его повадки, привычки, гастрономические предпочтения. Так, весной по выходу из берлоги он отыскивает на пригреве проснувшиеся муравейники, и охотно поедает муравьёв вместе с личинками и яйцами. В это же время в гнилых, лежащих на земле брёвнах или под корой старых трухлявых пней, выискивает мясистых личинок жуков – вредителей. С появлением растительности, медведь становится травоядным, как корова. Очень любит черемшу. Затем наступает время таёжной ягоды, затем – кедровых орехов. Не брезгует он и полёвкой, если та случайно подвернётся. А ещё меня удивило то, что летом он караулил молодых, не умеющих толком летать, рябчиков. Устраивал охоту на них.

Конечно, всё это наблюдать я мог до тех пор, пока ко-солапый сосед не ложился на зиму в берлогу. Правда примерно в это же время выпадал снег, и начинался пушной промысел, так что мне было уже не до наблюдений за медведем.

Совсем недалеко успел отойти я от медвежьих раскопок, как услышал сзади голоса. Вот это сюрприз! Никак не ожидал. Привык, что я один здесь хожу. И вот те здрасьте: гости явились, а может, хозяйева? Я не оглядываюсь, но шаг нарочно замедляю. Жду, что догонят меня попутчики, и я узнаю: кто такие, откуда, часто ли здесь бывают? На этой дороге я впервые встречаю людей. С интересом прислушиваюсь, пытаюсь уловить разговор. Голоса мужские.

– Ну, ни хрена себе!.. Здоровый видать! – доносится до меня ломкий, судя по тембру, молодой голос.

– Ты это о чём? – слышу уже другой голос.

– Ну, как о чём, Серёга, ты что, не видишь? Медведь окопы рыл. Вона, куда земля летела! Это ж какая сила?!

– А ты с чего взял, что это медведь рыл? – ставит вопрос Серёга. По манере разговора, по его интонации, можно предположить, что он постарше своего напарника, что он человек серьёзный и знающий себе цену.

– Ну, а кто ещё? Если не медведь? – горячится молодой.

– Да мало ли кто? Зверья в тайге много? – рассудительно и толково возражает Серёга. – А медведю чего здесь рыться, возле самой дороги? Что ему делать больше нечего?

– Как, зачем рыться!? Он бурундучьи норы раскопал! – всё так же, горячась, объясняет напарник.

– Димон, ты бурундука видел когда – нибудь? – Он, в отличие от молодого напарника, не горячится, говорит спокойно и немного покровительственно, как старший товарищ. Я даже представляю, что он при этом снисходительно улыбается.

– Ну, ты вопросы задаёшь. А кто его не видел, бурундука? – немного обижено произносит Димон – теперь я знаю и его имя.

– А раз видел, то должен понимать: ему этого бурундука и

на один зуб не хватит. И ради чего тогда он здесь столько наворотил? Ради бурундука, который ему – тьфу! Ни то, ни сё! А это ж сколько работы. Что ж он совсем дурак, по – твоему?!

– Да это дядя Вася говорит: мишка бурундучьи норы раскапывает, – оправдывается Димон.

– Дядя Вася... Дядя Вася... А сам – то, ты когда будешь соображать? Вон какой вымахал! Думать надо, чем всякие глупости повторять. Ну, ты понял, Димон?

– Да понял я, понял... – недовольно ворчит Димон.

– Что ты понял? Ну? – не отстаёт настырный Сергей.

– Думать надо! – на этот раз, бодрячком выпаливает Димон.

Я прислушиваюсь к разговору, едва шевелю ногами – всё жду, что меня догонят попутчики. Но они почему – то не спешат. Мало того, голоса их, вроде, как стали отдаляться.

Я оборачиваюсь назад и вижу: двое с горбовиками на спине свернули с дороги влево и направились в тайгу. Вот оно что. Это не охотники – это ягодники. За черникой при-

шли. Здесь её много. Я вижу их в профиль. Поближе ко мне в просветах между деревьев мелькает крепко сбитый невысокого роста мужчина – по его уверенной походке, по его осанке, я решаю, что это Сергей. За ним маячит нескладная долговязая фигура: по моему разумению – это Димон. По обрывкам фраз, которые мне удаётся уловить, понимаю, что Сергей всё учит молодого напарника уму – разуму. Вскоре они оба пропадают в чаще леса. Пошли по своей надобности – брать ягоду.

Я тоже иду по своей дороге, по своей надобности, но случайно подслушанный разговор двух приятелей не даёт мне покоя. Видать, неожиданное для меня их появление на дороге, их спор: медведь, не медведь рылся? – всё это как – то взбудоражило меня, и в общем – то пустяшная история занимает мои мысли. Я думаю о самоуверенном Сергее, о бесхребетном, податливом Димоне, который, в угоду заносчивому напарнику, легко отрёкся от того, чему учил его в тайге, опытный таёжник дядя Вася. А учил он Димона правильно, толково. И те раскопки, что приятели видели и обсуждали, в самом деле – работа медведя. Именно он обычно разрывает нору бурундука, но не ради мелкой зверюшки, а ради его запасов. Правда, если ему попадётся хозяин этих запасов, то он и его съест, не побрезгует. В норе бурундука, в его кладовой припасено

на зиму 3-4 килограмма отборных кедровых орехов. Это и привлекает медведя. И не только орехи – там много всего, чем может поживиться косолапый. Очень трудолюбивый и запасливый зверёк бурундук. Не даром в Приангарье домовитых, хозяйственных мужиков называют бурундуками. Так что, правда – она за дядей Васей.

Конечно, от этой правды – что Сергею, что Димону ни жарко, ни холодно. У Сергея своя правда: он знает, что он самый умный. Димон же просто бесхарактерный – куда ветер подует, туда его и понесёт. Суровая правда жизни.

В какой – то момент философские размышления о Правде, о непростой судьбе её на земле нашей грешной меня покидают, и внимание моё занимает, болтающийся на верёвочке, манок. Он у меня привязан к верхней пуговице лесной куртки. Когда в нём нет надобности, манок покоится в нагрудном кармашке рядом с упомянутой пуговицей. Сейчас надобность в нём есть, рябчики возле дороги держатся. Я сую в рот свистульку и начинаю выводить рябчиковую песню. Пока ещё не распались выводки, молодые рябчики на мой свист откликаются, а то и подлетают. Но, в данном случае, несмотря на все мои старания, никто ко мне не летит и даже не отвечает. Я всё равно свищу –

мне нравится. Ещё бы! В городе не посвистишь. А здесь – тайга, простор, свобода!

Я стараюсь, я пытаюсь извлечь из простенькой свистульки нежную и трогательную мелодию, которая мне самому душу греет, и особенно мне нравится то, что разносится она по таёжной округе. И, получается, что высвистываю я эту мелодию уже не для рябчиков, а для себя! И получаю от этого удовольствие. Прямо, идиллия! Но, тайга есть тайга, и она полна неожиданностей. Благостную идиллию грубо разрушает громкий, пугающий своей неожиданностью, треск и шум! Всё это происходит справа, рядом со мной, у самой дороги в густом молодом осиннике. Я успеваю заметить, как крупный зверь, ломая на своём пути молодые деревца, несётся от меня вскачь, и моментально скрывается в чаще. Определить, что это за зверь я не успеваю. Видел его мельком, сзади. То что зверь большой – это я понял. Не понял только, почему он оказался рядом со мной, что называется: нос к носу. Таёжный зверь человека опасается и старается находиться от него на безопасном расстоянии. Ещё, было ощущение, что с этим зверем, что – то не так. Понять, что не так, как я не старался, не получалось. Это меня почему – то заботило.

Вскоре где – то внизу раздался звонкий сухой треск – было похоже, что кто – то большой и сильный сломал толстый пересушенный сук, и ещё – это было похоже на выстрел из винтовки. Вслед за этим, громко и как – то обиженно рывкнул медведь. Раскатистый рёв зверя покатился по долине и несколько раз откликнулся гулким эхом. Мне за шиворот кто – то сыпанул ледяной пыли, прямо – сверху донизу. Я незлобиво выругался и ухмыльнулся. Ну, это уж совсем ни к селу, ни к городу – сыпать за шиворот ледяную крупу, когда человек абсолютно спокоен. Я был совершенно спокоен и хладнокровен, как удав.

Как только я услышал медвежий рёв, тут же понял, что мне не давало покоя. На убегающем звере в области хвоста не было привычного «зеркальца», которое всегда мелькает на бегущих косулях и изюбрах. Именно их видишь чаще всего, и привыкаешь к этой отметине. А здесь, "зеркало" отсутствовало. До этого момента, мне не приходило в голову, что встретился я с медведем, и теперь он улепётывает от меня опроретью, конечно же, без "зеркала" на известном месте. Зато я понял, как зверь оказался у самой дороги, рядом со мной. Видать, он принял меня за молодого рябчика и решил поохотится.

Какое – то время я стоял на месте, переваривая случившееся. Когда же собрался уходить, то заметил прямо перед собой на траве два патрона. Почему – то раньше я их не замечал. Зелёные папковые гильзы моего калибра – 16. Просто из любопытства, без задней мысли, нагнулся и поднял. Как – то использовать их у меня планов не было.

Брошенные или потерянные патроны с папковыми гильзами, как правило, бесполезны. Они на земле отсыревают, разбухают и не на что не годятся. Так что, поднял я патроны чисто из любопытства, от нечего делать. Когда же взял в руки, то сразу понял: патроны прекрасно сохранились. Готовы к стрельбе хоть сейчас. Просто, удивительно. К тому же, снаряжены привычной для меня дробью – пятёрка и два нуля. И зелёные гильзы, тоже для меня привычные. У меня такие же. Просто подарок. И тут я насторожился.

Как – то всё чересчур совпадает. И даже подпись номера дроби на прокладке сильно похожа на мою.

Я открываю ружьё, достаю патрон с правого ствола и вижу – пулю! А должна быть пятёрка? Достаю патрон с левого ствола – там крупная картечь, а должно быть – два нуля. Это что же получается? Я в какой – то момент переломил ружьё, вытряхнул из стволов на траву дробовые патроны (не вытащил рукой – вытряхнул на землю, потому, что лежат они рядышком) и зарядил пулей и картечью. Всё это

я проделал, видать, на автомате. Но, кода и как всё это произошло?! Хоть убей – не помню. Ну ничего похожего не могу припомнить. Напрочь память отшибло на какой – то период. Да-а-а... Дела... Вот тебе и хладнокровен... удав? Я – то был уверен, что так оно и есть, что я совершенно спокоен. И если бы не патроны на земле, то так бы и не узнал – как оно обстоит на самом деле...

А с другой стороны – можно ведь найти и кое – что хорошее в этой истории с медведем. В самом деле, если природный обитатель тайги, сам Михаил Потапыч, поверил моему свисту, принял меня за рябчика, значит свистеть я умею! С этим не поспоришь.

Правда, это справедливо только в том случае, если матушка медведица в тёмной берлоге случайно не наступила медвежонку на ухо? И теперь он не в состоянии отличить настоящий свист рябчика от подделки. Так ведь бывает. Мы знаем. Наступит медведь на ухо – и бедняга на всю жизнь остаётся без музыкального слуха...

Такую песню испортил...

Таёжные истории

В молодые годы, когда мы выбирались в тайгу, жена моя Людмила позволяла себе в лесу идти, куда ей только вздума-

ется. А подружкам на работе хвасталась: «Я в тайге потерять-ся не боюсь, знаю, муж меня всегда найдёт». Находил. Правду сказать, найти её большого труда не составляло, она ведь в тайге всегда при деле. То ягоду берёт, то черемшу, то грибы – некогда ей бегать далеко. Правда, бывало, что и уйдёт по-дальше в поисках мест побогаче, но не так уж чтобы не най-ти. Но доводилось мне искать, находить и выводить из тай-ги и таких, кто по-настоящему терялся. Здесь-то я разного насмотрелся. И слёзы, и голоса сорванные – пытались докри-чаться, и одежонка рваная – на деревья всё лезят, что-то там высмотреть хотят. И разругаются в пух и прах – виноватых ищут. И таких случаев было немало. Но был у меня один особый случай – когда не я искал, а меня искали.

А дело было так: отправился я поохотиться на один день. Была суббота, мне же в воскресенье надо было вый-ти на работу. Поехал я на электричке в сторону Чуны. Вы-шел на 17-м разъезде, в Огнёвке, маленьком посёлочке в несколько домов, и пошёл в направлении ручья Однобоко-го. Шёл я по знакомой тропе и через полтора часа дошёл до болотины, посередке которой бежал ручей. Надо было свора-чивать налево и идти по той же тропе вдоль ручья ещё около часа. Затем перейти тот самый Однобокий ручей – там обыч-но я и охотился. Но в этот раз я не пошёл по своему привыч-ному маршруту – сворачивать по тропе не стал, а решил пе-

рейти болотину. Проверить, что там за ней. Перейти-то я её перешёл, но при этом основательно зачерпнул ледяной воды в сапоги. Надо было сушиться: наступил сентябрь, ночью примораживало, да и с утра не жарко. Выйдя на сухой берег, разжёл костёр. Пока сушился, заодно и чай вскипятил.

Надо было и согреться, и перекусить. И вот сижу я на сухом месте, потягиваю из железной кружки горячий чай. Передо мной – болотина с ручьём, в нём-то я и набрал воды в сапоги. За болотиной – сосновый бор, в котором по весне токуют глухари. Всё привычное, знакомое, всё радуется глаз и душу греет. Сзади меня – густой молодой ельник, за ним поднимается незнакомая тайга, с которой мне предстоит сегодня познакомиться. Перевернутые сапоги сушатся на кольях у костра, там же, у костра, сохнут носки. Босые ноги поочерёдно протягиваю к огню, грею. Со мной молодой пёс, лайка по кличке Чалдон. Сижу, греюсь, блаженствую. Слышу, за спиной мой Чалдонка зашёлся в лае. Лает азартно, где-то рядом. Я подумал, облаивает белку, и особо не спешу к собаке, продолжаю чаёвничать. Слышу, кто-то на дереве скрекчет. Да никак глухарь! Вот это номер! Я тут костёр развожу, чай распиваю, а он рядом сидит, и хоть бы ему хны. Слышать-то он меня слышал, но не видел. Густой ельничек между нами не позволял. Натягиваю ещё влажные, но приятно нагретые костром носки, толкаю в мокрые сапо-

ги сухую траву, которую нарезал загодя себе под ноги, когда босиком сидел. Тихонько крадусь к собаке. Подхожу, вижу, Чалдонка лает на молодую ветвистую сосну. Глухарь всё так же недовольно переругивается с собакой. Старый ворчун небось. Чалдонка в то время охотником был совсем молодым и на глухаря лаял впервые. Надо добыть, чтобы собака не потеряла интереса к глухарю. Очень аккуратно подхожу ближе к сосне. Птицы не видно.

Между мной и сосной, на которой, судя по всему, сидит глухарь, стоит невысокая, в половину сосны, густая ель. Я прячусь за ней. Обшариваю взглядом сосну – то, что могу видеть. Глухаря не вижу. Но слышу – он рядом, скрипит, паршивец. Так продолжается довольно долго, наконец я решаюсь выглянуть из-за ели. Теперь сосну хорошо видно, но глухаря не вижу. Чалдонка, заметив хозяина, старается изо всех сил, уже на дыбы встаёт – всё равно не вижу. Какое-то наваждение. Я все глаза проглядел, вроде каждую веточку проверил – нет глухаря. Я уже ничего не понимаю. Но сильно опасаясь, что неопытный пёс своим чрезмерным старанием в любую минуту может спугнуть птицу и та даст дёру. Надо что-то делать. И я опять, уже в который раз, самым внимательным образом осматриваю, обследую каждую ветку – ну нету никого и ничего! И ведь знаю, что в подобных случаях глазам верить нельзя. Бывает, приятель заберётся на кедр – и ты его потеряешь и не понимаешь, куда он делся, а тут

птичка. Но мне, в конце концов, вся эта канитель надоедает, и я лучше ничего не смог придумать, как просто выйти из-за ели, явив себя во всей красе. У меня буквально с головы с громким пугающим шумом и треском срывается большая тяжёлая птица. Пропади ты пропадом!

Да это ещё что... Тут всё ожидаемо. А вот бывает, бредёшь по тайге, о чём-то хорошем размышляешь, весь в думках – и вдруг неожиданно рядышком как рванёт! Прямо над головой, немного позади. Всегда, паршивец такой, пропустит, а потом уже сорвётся. Шум невероятный, крыльями ветки ломает, треск стоит – что тебе шумовая граната. И всегда неожиданно! Тут-то и проймёт тебя... И смех и грех. И употребишь непечатное, и тут же улыбнёшься! Что ни говори, а встреча с большой красивой птицей всегда приятна.

Я всё время искал глухаря выше. Я не предполагал, что он сидит в нижнем ярусе. Видать, тёртый калач, прятался за стволом и изредка высовывал голову, чтобы оценить происходящее и отчитать Чалдонку. Глухарь улетел вправо. Чалдонка рванул за ним. Я проследил за глухарём, и мне показалось, что он сел на лиственницу, притом сел недалеко. Я надеялся, что собака его найдёт. И в самом деле, Чалдонка опять залаял. Я поспешил к собаке, но не успел. Лай обо-

рвался, и вскоре я увидел: мой пёс, довольный, бежит мне навстречу с чувством выполненного долга, о чём и говорит его весело виляющий закрученный кольцом хвост. Я вернулся к костру, допил чай, потушил костёр, собрал манатки и отправился вслед за глухарём. Почему-то был уверен, что найдём его. Рыскали по тайге мы долго, глухаря не нашли. Но зато нашли удивительные места. Раньше мне неизвестные. Я вообще люблю бродить в тайге по неизвестным местам. Много интересного встречаешь.

Мы вышли на вырубку, от которой оба пришли в полный восторг. Меня она удивила своей необычной формой: выглядела чётким, сильно вытянутым узким прямоугольником. Абсолютно правильным, будто вырубку эту геодезисты намечали по своим астролябиям. А главное, она вся заросла кустами голубики, ветки которой были сплошь облеплены синей ягодой. И смотрелось это чудо синей дорогой, прямой и ровной, среди осенней, ярко расцвеченной тайги. Чалдонка тоже нашёл здесь чем себя развлечь и порадовать. В самом начале вырубки он обнаружил огромную стаю косачей, которые, поднявшись, понеслись на другой её конец. Стая пронеслась надо мной с шумом и свистом. Я выстрелил вдогонку, но не попал.

Чалдонка понёсся за косачами, которые всё так же летели над вырубкой, пока не пропали из глаз. Я решил по-

дождать собаку, а тем временем срывал с куста синие крупные ягоды и бросал в рот. Ягода была на вкус приятная, кисло-сладкая. Немного водянистая. Может, поэтому у нас она была не на первом месте. Больше уважали бруснику, чернику, клюкву. И, конечно, жимолость. Которую брали раньше других ягод.

Однако в тайге встреча с голубикой всегда приносит радость: и жажду хорошо утоляет, и глаз радует. Особенно когда с кустов облетит вся листва и останется одна синяя ягода! Красота необыкновенная!

Я всё стоял на вырубке, ждал четвероногого друга. В какой-то момент гляжу – несётся на меня та же тетеревиная стая. Всё так же летят над вырубкой. Видать, нашёл их мой пёсик. На этот раз тетерева меня облетели – загодя свернули вправо и пронеслись вне пределов выстрела. За ними, высунув язык, нёсся Чалдонка.

Вся эта история – перелёты стаи с одного конца вырубки на другой и с бегущим сзади с высунутым языком Чалдонкой – повторялась ещё несколько раз. Но в какой-то момент всё это птицам, видать, надоело и они улетели совсем. Было немного жаль, что я больше тетеревов не увижу. Я успел к ним привыкнуть. Когда Чалдонка после безуспешных поис-

ков стаи вернулся, мы с ним двинулись вперед по вырубке.

Через какое-то время заросли голубики сменились кустами жимолости. Эти были поскромнее, ютились с краешка вырубки по правой стороне. Да и яголке её далеко до налитой сочной голубики. Отошла жимолость. Редкие плоды были неказистые, пожухлые. Местами на ветках висели уже подсохшие, какие-то неприглядные ошмётки недоеденных ягод. Михайло Потапыч изволили откусать и сделали это весьма неряшливо.

И ведь может брать чисто, по яголке. И по большей части так и берёт. Посмотришь: куст обобрал так, что любо-дорого. А то вдруг найдёт на него что-то – и давай своей пастью хватать целые ветки да обдирать их самым безобразным образом: какую-то ягоду сорвёт, проглотит, а другая, в лоскуты измочаленная, на ветке остаётся. Вот и висит потом это безобразие на кустах.

Но сладкую, с приятной горчинкой, полезную ягоду очень уважает Михайло Потапыч. Берёт, не ленится. А уж траву вокруг куста до того истопчет, словно барыню тут отплясывал.

Вырубка в конце упиралась в широкую лесную дорогу, по которой вывозили древесину. Чалдонка, выбежав на неё, терпеливо ждал, когда я подойду. На развилке он всегда дожидался, чтобы увидеть, куда я заверну. Завернул я направо и тут же оценил, как приятно идти по ровной дороге. Ноги успел уже наломать. Чалдонка убежал вперёд. Слева лежала старая вырубка, уже порядком заросшая молодым березняком да осинником. Справа стоял нетронутый лесной массив. Вскоре я увидел, как Чалдонка поднял прямо с дороги стаю птиц. Я уж подумал, что пёс нашёл наших косачей. Но нет, взлетели и расселись тут же на деревьях вороны. Они у нас чёрные, как косачи. Я прибавил ходу. Вороны такой большой стаей зря на дороге сидеть не будут. И правда, догадки мои подтвердились. Посреди дороги стояла широкая лужа. А в луже лежало большое животное.

Когда подошёл поближе, увидел – мёртвая лосиха. Рядом с тушей на сырой болотистой почве чётко отпечатались свежие медвежьи следы. Ходила медведица. Она и подтащила тушу поближе к берегу. Это можно понять по следам. Было видно, как она упиралась, как лапы при этом скользили по грязи. Ясно, что раньше туша лежала дальше в воде. Что тут произошло, можно только догадываться. Ясно одно: не медведица стала причиной гибели животного. Следов борьбы нет. Скорее всего, и не болезнь явилась причиной её смер-

ти. Лосиха выглядела упитанной, мощной, и никаких признаков болезни не наблюдалось. Можно было предположить, что жизнь её оборвала злая пуля. Что была она смертельно ранена, но как-то смогла уйти от охотника.

А сюда, на лужу, пришла попить. Видать, жажда её мучила. Здесь и рухнула. Входного или выходного отверстия от пули на туше я не увидел. Да и мудрено увидеть. Брюшина её была распорота, внутренности вывалены наружу, прямо в воду. Рядом с тушей по воде расплылось большое зелёное пятно: содержимое желудка попало в лужу. Голодная хищница не церемонилась. Несомненно, всё самое вкусное (ливер) медведица уже съела. Кроме этого, в самом верху узкой полосой вдоль хребта она выела деликатес, который мясники называют вырезкой. Мой молодой пёс всё обнюхивал тушу, нюхал медвежьи следы. К следу отнёсся спокойно, не испугался. Что меня порадовало. В общем, больше нам здесь делать было нечего, я позвал Чалдонку, и мы пошли дальше. Вскоре вышли на богатый черничник. Я поклевал ягоду. Чалдонка тоже попробовал, но ему ягода не понравилась. Бывает, собаки едят чернику, но Чалдока был не из таких.

Мы продолжали своё знакомство с новыми местами. Зна-

комились основательно и с удовольствием. И видать, увлеклись, перестарались, как это нередко бывает. Когда пришло время возвращаться, возникли проблемы. К своему переходу через болотину мы не вышли. Но справа, на расстоянии с полкилометра, я обратил внимание на мыс, который вклинивался в болотину. Я был уверен, что это и есть место нашего перехода. Мы спокойно переправились через болото и свернули направо, где должна находиться наша тропа. Но когда дошли до нужного места – напротив упомянутого мыса – и отправились на поиски тропы, то её там не оказалось. Всё шло к тому, что я могу опоздать на электричку. Без тропы по тайге я не успеваю. Дело принимало нежелательный оборот. Надо было что-то решать. Пришлось снова переходить болотину и выходить на мыс. Надо было убедиться, тот это мыс или нет. Оказалось – мыс не тот. Мы переходили в другом месте. Я ошибся.

Стало темнеть. Надо было готовиться к ночлегу. Почему-то ночевать на этом непривычном берегу мне не хотелось. И я опять пошёл через болотину, на свой берег. В который уже раз. Перебравшись, мокрый с ног до головы, я ушёл от обрыдлой болотины. Надо было найти подходящее для ночлега место. И тут я заметил несколько свежеспиленных сосновых пней. Это меня очень заинтересовало. Просто так в тайге сосну не пилят. У меня появилась надежда. Вскоре на-

шёл ещё такие же пни. Теперь я их насчитал восемь. Пошёл дальше, я уже знал направление, куда надо двигаться. Пней попадалось всё больше. И наконец нашёл то, что надеялся найти. На поляне, на светлом весёлом месте стояло новёхонькое зимовье. Вот удача! Такое случается, правда, очень редко. Я зашёл в избушку, сильно пахло пиленой древесиной и смолой. Главное, в избе стояла железная печурка, что нам с Чалдонкой пришлось очень кстати. Оба были мокрые. А ночь предстояла с заморозками. Пола в зимовье не было, хотя доска б/у для него уже была каким-то образом доставлена. Зато стояла железная кровать с панцирной сеткой. Было вставлено окно, дверь, правда, лежала на боку, прислонённая к стенке. Но это не беда. Дверь можно просто приставить.

Главное, есть где ночевать. На работу мне завтра не с утра. К тому же мы нашли в зимовье несколько пакетов покупных сухарей. Один я позаимствовал, положив взамен конфеты и два супа-концентрата в пакетиках. Были такие в те годы. Отличные супы, натуральные, с сушёным мясом. Третий концентрат сварил себе. Сухарями поделился с Чалдонкой, поскольку супы в пакетиках всё же были с острой приправой и для собаки не годились. В общем, всё устроилось очень удачно. Жизнь прекрасна и удивительна, решили мы с Чалдонкой.

Утром время тратить на поиск тропы не стали и отправились по тайге в сторону Огнёвки. Где-то меньше чем через час вышли на мощный урожайный брусничник. Пришла в голову мысль: с такого богатого ягодника может идти на Огнёвку тропа. Основательно и неоднократно обследуя край брусничника со стороны Огнёвки, не сразу, но тропу я всё-таки нашёл. И дальнейший наш путь до полустанка – это был просто праздник!

Домой я добрался только к обеду. Подхожу к своей двери, слышу в квартире громкие голоса. Мужские. Что меня несколько удивило. Я звонить не стал, достал свой ключ и зашёл в прихожую. Понял: у меня гости. Когда заглянул в комнату, откуда и неслись эти самые голоса, увидел любопытную картину. Мой напарник по тайге Иван, наш общий друг Семён и жена Людмила стояли на четвереньках и внимательно разглядывали разбросанные по полу мои охотничьи карты, при этом очень горячо что-то обсуждали. Что-то доказывали друг другу. Меня они не видели – развёрнуты были в противоположную сторону. Да и не до меня им. Очень скоро я понял: собираются в тайгу на поиски. Искать будут меня.

Людмила, видать, с утра стала бить тревогу. Она понима-

ла: заблудиться в тайге я не мог. Если не пришёл, значит, что-то случилось. Она знала, что я уехал на электричке. И сейчас им предстояло решить, где меня искать. Оказалось, это так интересно – наблюдать за тем, как тебя собираются искать, да ещё в тайге! Они всё так же меня не замечали. Меня это устраивало. Но когда я понял, что искать они собираются совсем не там, где надо... Это уж извините! И обидно как-то, и прямо зло берёт. Чего несут, да ещё и с умным видом?! Искать-то надо в районе ручья Однобокого! А вы куда собрались?..

Очень хотелось мне сказать им пару ласковых по этому поводу... Но я не стал. Я просто вежливо поздоровался и первым делом давай извиняться. «Простите, мужики! – говорю, – виноват... Сам припёрся. Такое мероприятие испортил! Извините. Зла не держите. Я не нарочно. Так получилось». Вся троица наконец обратила на меня внимание. Семён сел на пол, Иван, улыбаясь во весь рот, оставался на четвереньках. Жена бросилась мне на шею, мотивируя это тем, что было бы жалко, если бы пропал в тайге. Дескать, не на помойке она мужа нашла. Семён, всё так же сидя на полу, ткнул в меня пальцем и произнёс: «Вот в этом ты весь!» Затем обвёл взглядом лежащие на полу карты, посмотрел на улыбающегося Ивана и добавил: «Такую песню испортил!..» Сеня любил красивые выражения. Он был ар-

тистом, служил в местном драматическом театре.